

Дмитрий Иванович Писарев. Писемский, Тургенев и Гончаров

Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859-1862
М., Государственное издательство художественной литературы, 1955
OCR Бычков М.Н.

(Сочинения А. Ф. Писемского, т. I и II. Сочинения И. С. Тургенева)

I

Писемский, Тургенев и Гончаров принадлежат к одному поколению. Это поколение уже давно созрело и теперь клонится к старости; дети этого поколения уже способны решать по-своему вопросы жизни, и потому отцы постепенно становятся деятелями прошедшего времени, и для них настает суд ближайшего потомства. Пора проверить результаты их работ, не для того, чтобы выразить им свою признательность или неудовольствие, а просто для того, чтобы пересчитать умственный капитал, доставшийся нам от прошедшего, узнать сильные и слабые стороны нашего наследства и сообразить, что в нем можно оставить на старом основании и что надо фундаментально переделать. Всего этого наследства разом не оглядишь; оно, как и все русское, велико и обильно. Посмотрим на первый раз, что оставили нам наши первоклассные романисты, лучшие представители русской поэзии сороковых и пятидесятих годов. Вопрос, поставленный мною, шире, чем может подумать читатель. Романы Писемского, Гончарова и Тургенева имеют для нас не только эстетический, но и общественный интерес; у англичан рядом с Диккенсом, Теккереем, Бульвером и Эллиотом есть Джон Стюарт Милль; у французов рядом с романистами есть публицисты и социалисты; а у нас в изящной словесности да в критике на художественные произведения сосредоточилась вся сумма идей наших об обществе, о человеческой личности, о междучеловеческих, семейных и общественных отношениях; у нас нет отдельно существующей нравственной философии, {1} нет социальной науки; стало быть, всего этого надо искать в художественных произведениях. Я говорю: _надо искать_, потому что не может же быть, чтобы люди, имеющие знакомых, жену, детей, состоящие на государственной или частной службе, и притом сколько-нибудь способные размышлять, не составляли себе известных понятий о своих отношениях, о жизни и ее требованиях; не может быть, чтобы, составив себе эти понятия, они не делились ими с теми, кто может их понимать. Вместо того чтобы сообщать результаты своих наблюдений в отвлеченной форме, они стали облекать идею в образы. Многие из наших беллетристов сделались художниками потому, что не могли сделаться общественными деятелями или политическими писателями; что же касается до истинных художников по призванию, то они также должны были какою-нибудь стороною своей деятельности сделаться публицистами.

Кто, живя и действуя в сороковых и пятидесятих годах, не проводил в общественное сознание живых, общечеловеческих идей, того мы уважать не можем, того потомство не поместит в число благородных деятелей русского слова. Гг. Фет, Полонский, Щербина, Греков и многие другие микроскопические поэтики забудутся так же скоро, как те журнальные книжки, в которых они печатаются. "Что вы для нас сделали? - спросит этих господ молодое поколение. - Чем вы обогатили наше сознание? Чем вы нас шевельнули, чем заронили в нас искру негодования против грязных и диких сторон нашей жизни? Сказали ли вы теплое слово за идею? Разбили ли вы хоть одно господствующее заблуждение? Стояли ли вы сами, хоть в каком-нибудь отношении, выше воззрений нашего времени?" На все эти вопросы, возникающие сами собою при оценке деятельности художника, наши версификаторы ничего не сумеют ответить. Мало того. Они не поймут этих вопросов и останутся в недоумении; они в наивности души уверены в величии своих заслуг и в правах своих на всеобщую признательность; они думают, что, шлифуя русский стих, баюкая нас своими тихими мелодиями, воспевая на тысячу ладов мелкие оттенки мелких чувств, они приносят пользу русской словесности и русскому просвещению. Они считают себя художниками, имея на это звание такие же права, как модистка, выдумавшая новую куафюру.

Чтобы эти слова не казались бессмысленною выходкою, лаянием на луну, я считаю не лишним сказать несколько слов о том, что я понимаю под словом "художник". Вот видите ли, все мы смотрим на какой-нибудь уличный скандал, но не во всех нас это зрелище западет одинаково глубоко, не всех нас оно потрясет одинаково сильно. Чего, чего ни передумал бы человек впечатлительный, присутствуя, положим, при подвиге расправы над извозчиком; {2} одна эта сцена показалась бы ему только эпизодом длинной, никому не ведомой драмы, разыгрывающейся каждый день без свидетелей в разных бедных квартирах, на улицах, "под овином, под стогом", {3} - везде, где бедный и слабый терпит горькую долю от богатого и сильного. Воображение дорисовало бы недостающие подробности; естественное, гуманное чувство, воспитанное разносторонним образованием, согрело бы всю картину, и вот из грубой уличной сцены возникло бы художественное произведение, которое, наверное, подействовало бы на читателя, шевельнуло бы его или заставило бы его задуматься. Кто по природе и по воспитанию впечатлителен да кто усвоил себе умение передавать свои впечатления другим так, чтобы они могли